

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОМЕРНОЕ» ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С КОНСТИТУЦИОННЫМИ ИДЕЯМИ И ДОКТРИНАМИ

Е. В. Титова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье рассматривается взаимосвязь категории «правомерное» с конституционными идеями, концепциями и доктринами. Обращение к основным концептам, регулирующим политику, правовую жизнь и культуру народа, позволяет проследить, как формируются и образуются основы, производящие право, и каким образом они формализуются в нормативные правила поведения. Обосновывается зависимость содержательной стороны правомерности от исторических условий ее интерпретации и государственных интересов, которые концепт правомерности призван обслуживать. По мнению автора, доктрина взаимодействия государства и человека (личности) может рассматриваться в качестве процесса и результата правомерного поведения основополагающих субъектов конституционных отношений. Связь правомерного поведения и конституционных идей (доктрин) проявляется в том, что социальные субъекты (индивиды и общности) признают и отстаивают собственную, отличную от других, систему ценностей, а правила и образцы поведения, которыми они руководствуются, отражают желаемую и признаваемую для них модель устройства властных отношений.

Ключевые слова: конституционные идеи, правомерное поведение, национальные интересы, конституционность, взаимодействие.

Конституционно-правовое исследование правомерного поведения предполагает использование определенных понятий и категорий. Одним из основных концептуальных положений, относящихся к конституционному поведению, является уяснение смысла, закладываемого в такое исходное понятие, как «правомерность». Объем понятия «правомерность» включает в себя ее толкование как: 1) правового принципа; 2) метода правового регулирования; 3) правового режима [15]; 4) характеристики деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и их должностных лиц.

В контексте науки конституционного права наиболее приемлемо, на наш взгляд, рассматривать соотношение правомерности с легальностью, легитимностью и конституционной законностью. Кроме того, весьма веские основания имеет связь правомерности с категориями «идея», «концепция» и «доктрина», что мы и попытаемся доказать с использованием теоретико-познавательных форм, причисленных к конституционным. Так, профессор С. А. Авакьян характеризует конституционные идеи как предпосылку конституционализма и относит к одной из четырех главных его составляющих, наряду с наличием

соответствующего нормативного правового фундамента, достижением определенного фактического режима и системой защиты конституционного строя и конституции. По мнению авторитетнейшего ученого, наличие текста конституции при всей его архиважности еще не образует конституционализма. О наличии последнего можно говорить лишь в том случае, когда именно «...конституционные идеи внедрены в общественное сознание, построенное на убежденности в необходимости и пользе институтов власти и государственных законов, их оформляющих, возможности достижения социальной справедливости и защиты обоснованных интересов посредством своих действий и шагов властей, основанных на нормах закона» [1, с. 230]. В свою очередь В. В. Киреев, развивая указанные тезисы, предлагает различать идеи конституционализма в их доформализованном, формализованном и практически-прикладном состояниях [6, с. 209].

В философии права и политологии имеют место глобальные размышления об идее права [9] и идее правового закона [11]. Наряду с ними теоретиками права исследуется «идея законопроекта» [2]. Что касается конституционных идей, то они, как правило, представле-

ны такими политико-правовыми феноменами, категориями, концептами и мифами, как «национальная идея», «государственная идея», «идея разделения властей», «идея народного представительства», «идея правового государства» и др. Например, к правовым мифам относятся конституционные мифы и конституционные иллюзии [3].

Идеи конституционализма функционируют на разных логико-гносеологических и организационно-практических уровнях, а также в разной степени позитивной формализации. Часть из них можно отнести к универсальным, некоторые носят характер приема юридической техники, другие способны придать нормативную силу позитивному праву, третьи обладают лишь потенциальной действительностью и правомерностью. Идеи могут быть продуктивными для теории и практики или деструктивными. Соответственно наиболее продуктивные идеи приобретают характер конституционных ценностей. В свою очередь отметим, что идеи конституционализма, независимо от степени их формализации в позитивном праве, формируют своего рода «институциональную среду» как совокупность будущих основополагающих политико-правовых правил, которые в дальнейшем при совокупности определенных условий выполняют роль регуляторов поведения.

Куда более сложным является вопрос о выборе доктрины, которая будет «вписана» в конституционно-нормативные конструкции и сформирует перечень требований правомерности от государства к индивиду и наоборот. Здесь возникает необходимость определения критерия добросовестности законодателя, который при таком выборе должен отдать приоритет благополучию и безопасности человека и общества, а вся целенаправленная властная деятельность государства должна быть сосредоточена на поддержание фундаментальной системы саморегуляции (гомеостаза) конституционного порядка. С гомеостатическим равновесием связаны гарантии осуществления юридических закрепленных возможностей индивидов (конституционных прав и свобод), а также поддержание соответствия конституции и законов потребностям жизни и развития человека и общества [10, с. 138].

В российской Конституции понимание права бинарное и включает в себя две онтологически противоречащие доктрины – естественного и позитивного права. Эти доктрины, в

свою очередь, порождают различные варианты их трактовки, как, например, естественно-правовая доктрина необходимости (Doctrina of Necessity), выдвинутая выдающимся систематизатором английского общего права XIII века Генри Брактоном (Henrici Bracton). Согласно его учению, «естественное право – это то, чему все живые существа учатся по природе, то есть по естественному инстинкту» («*Ius naturale, quod docuit omnia animalia natura, id est per instinctum naturæ*») [4]. Инстинкт состоит из следующих элементов: рефлекса свободы; рефлекса размножения; рефлекса питания; рефлекса безопасности. Генри Брактон считал, что все право представляет собой формализованное выражение инстинктов человека. Юридические действия, вытекающие из таких инстинктов, по его мнению, следует относить к правовым, хотя легистами они могут признаваться незаконными с позиции позитивного и развитого права. Этот тезис позволяет обосновывать с позиций права практически любые действия человека и государства на применение насилия либо свержение власти, считающиеся законными в рамках системы позитивного права. «Однако, – отмечает А. В. Шиловский, – выдвинутый Г. Брактоном тезис о примате инстинкта самосохранения в естественном праве – это ни в коем случае не путь к вседозволенности и неправовому поведению, исходящему из ничем не ограниченной воли. Он обусловлен, в первую очередь, границами необходимости, которые в свое время были определены Э. Кантом и положили начало кантианской доктрине справедливости (A Theory of Justice), где «право как цель» [17, с. 112].

Воплощение доктрины необходимости имеет место в п. 3 ст. 55 Конституции РФ, где обозначены наиболее значимые публичные интересы как границы необходимого поведения, а также цели применения ограничений прав и свобод человека и гражданина. Обозначенные границы и цели Конституционный Суд РФ относит не только к публичным интересам, но и соотносит их с конституционно значимыми ценностями (например, Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П от 30 ноября 2003 г.; Определение Конституционного Суда РФ № 929-О-О от 6 июля 2010 г.).

Немаловажным для понимания правомерного поведения в конституционном праве является анализ его источников как «произ-

водных» от непосредственного представления о праве и его понимании. В частности обращение к доктринам позволяет проследить, как формируются и образуются идеи, «силы, основы, причины, производящие право», а затем такие идеи и доктрины формализуются в нормативные правила поведения. Как известно, при наличии определенных условий доктрина может выступать самостоятельной формой права, а в случае применения доктринальных положений органами государственной власти или судами при вынесении ими соответствующих властно-нормативных актов изложенные в доктрине идеи могут выступать мерой правомерного поведения. Доктринальные положения получают внешнее оформление за счет других правовых явлений, в частности правовых позиций Конституционного Суда РФ. В данном случае активна роль упомянутой выше «доктрины конституционности», да и сама Конституция предстает как «...документ, в котором объективируется доктрина государства, находят выражение различные доктрины» [7, с. 5].

Внешнее оформление, формализация доктрин осуществляются в процессе конституционного правотворчества, которое В. В. Киреев предлагает рассматривать как промежуточный этап перехода от идей конституционализма к их воплощению в общественной практике. При этом в качестве критерия, позволяющего формализовать конституционную доктрину и отграничить ее от иных источников, Т. М. Пряжиной предложен именно «принцип конституционности». Помимо прочего, указанный автор выделяет и поведенческую составляющую конституционной доктрины. Так, по мнению ученой, «...с учетом поведенческих закономерностей участников конституционного процесса в доктрине получают отражение теоретические основы воплощения конституционных установлений в государственную и общественную практику, выявляются критерии конституционности правового регулирования, структурируется теория конституционного прогнозирования и конституционного моделирования социальных процессов» [13, с. 26–27].

Как известно, российское конституционное право в предмет своего регулирования включает достаточно широкий спектр дифференцированных общественных отношений, а «осмысление вопроса о предмете конституционного права тесно взаимосвязано с ответом

на вопрос о роли государства в развитии общества и преследуемых им целях, с одной стороны, и его взаимоотношениях с человеком – с другой» [18, с. 57]. Причиной такого подхода выступает изменчивость содержательной стороны того, что понимается под «правомерным», зависимость правомерности от исторических условий ее интерпретации и государственных интересов, которые концепт правомерности призван обслуживать. Это утверждение наглядно демонстрирует тот факт, что многие, если практически не все институты непосредственной демократии, подвержены трансформациям под влиянием политико-правовых традиций и правовой культуры, допустимости или отрицания «конституционных ожиданий» [5] и других факторов.

Процессы демократизации и конституционализации развиваются в зависимости от предыдущих режимов и от того, как или каким образом различные (а подчас разрозненные и разобщенные) социальные субъекты взаимодействуют в новом конституционном порядке. Тем не менее формы, критерии и другие особенности правомерного поведения пока не получили должного развития в отечественной конституционно-правовой науке, а сама постановка исследовательской задачи относительно правомерного поведения в конституционном праве иногда вызывает недоумение ученых и исследователей. Эта ситуация во многом обусловлена политизированностью понимания правомерного поведения в конституционных доктринах различных исторических периодов. Например, в марксистской доктрине значительное место отводилось репрессивному и принудительному инструментарию для обеспечения интересов господствующего класса, а значит, фактически признавалась и устанавливалась правомерность диктатуры. Либеральные доктрины, характеризующиеся уклоном в сторону индивидуализма, по существу легализуют приоритет индивидуального блага над общественным преимуществом, что существенно изменяет концепцию правомерного поведения с позиций конституционности.

Следует согласиться с В. Н. Руденко в том, что в современный исторический период происходит формирование политической и правовой систем, функционирующей на согласительной основе. Их основополагающим принципом является согласование интересов государства и всех участников гражданского

общества. На предшествовавшем этапе, напротив, политическая и правовая системы, в том числе институты публичного права, имели ярко выраженный мобилизационный характер, а основными субъектами осуществления властных функций выступали народные массы, принимавшие активное участие в политической жизни общества. В согласительных же политических системах народные массы не воспринимаются в качестве основных субъектов политики, а граждане и группы граждан как члены гражданского общества могут становиться участниками согласования интересов личности, общества и государства. В согласительных политических системах существует потребность в развитии соответствующих правовых институтов, регулирующих комплекс отношений по согласованию указанных интересов [14, с. 48].

В связи с этим следует отметить обоснованное, с нашей точки зрения, включение большинством российских исследователей в предметную область [8, с. 10] конституционного права доктрины взаимодействия государства и человека (личности), которое может рассматриваться в качестве процесса и результата правомерного поведения основополагающих субъектов конституционных отношений. Именно взаимодействие, как правовая коммуникация [12, с. 4] конституционного свойства связано с появлением и институционализацией ряда новых практик интеракции общества и власти: социальное партнерство, согласование интересов, общественный (гражданский) контроль, обращения граждан, общественные слушания и др.

Как пишет Т. Я. Хабриева, принципы диалогического направления необходимо рассматривать через конституционные формулы национального согласия в обществе, основанные на взаимных интересах государства, бизнеса и остальных граждан. Для граждан – это обеспечение суверенитета государства и контроль за стратегически важными ресурсами страны; для бизнеса – законодательно установленная стратегия экономического развития, конкурентоспособная экономика; для широких слоев населения – это прежде всего достойная жизнь, доступность здравоохранения, образования и других сфер, законодательно установленные, понятные народу механизмы для обеспечения этих интересов [16, с. 19–20].

В целом же анализ подходов к пониманию правомерности в конституционном праве дает основание говорить о том, что сам процесс построения конституционной модели государства и общества не исключает разногласие политических, экономических, нравственных и иных идей и ценностей, разделяемых разнообразными социальными группами, и связанных с ними общественных отношений. При этом политическое согласие должно достигаться на основе наиболее важных всеобъемлющих национальных интересов и идей, которые не поглощают всех существующих различий, а как бы «надстраиваются» над ними. Полагаем, что одной из таких важнейших базисных основ как раз и должен являться единообразный комплексный подход к пониманию государством, обществом, гражданами и их объединениями правомерности и правомерного поведения в конституционных правоотношениях, поскольку только в этом случае могут быть созданы реальные предпосылки достижения целей, заложенных в Конституции РФ.

Таким образом, конституционное понимание правомерности основывается на провозглашении и правовой регламентации признанных и утвердившихся ценностей и норм, относительно которых сложился консенсус и в соответствии с которыми народ организует свою жизнь. Связь правомерного поведения и конституционных идей и доктрин проявляется в том, что социальные субъекты (индивиды и общности) признают и отстаивают собственную, отличную от других, систему ценностей, а правила и образцы поведения, которыми они руководствуются, отражают желаемую и признаваемую для них модель устройства властных отношений. Основной российской конституционной моделью правомерного поведения выступает модель взаимодействия человека, общества и государства.

Литература

1. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – 528 с.
2. Баранов, В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление / В. М. Баранов // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 9–17.

3. Барциц, И. Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии / И. Н. Барциц // Государственная служба. – 2013. – № 6. – С. 8–13.
4. Bracton H. Bracton De legibus et consuetudinibus Angliæ. Yale University Press, 1915, Vol. 1, 454 p.
5. Кабышев, В. Т. Конституционные ожидания / В. Т. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 24–27.
6. Киреев, В. В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации / В. В. Киреев. – Челябинск: Южно-Уральский издательский дом «Образование», 2008. – 440 с.
7. Ковалевский, М. М. Общее конституционное право: лекции / М. М. Ковалевский. – С. Петербург, 1908. – 120 с.
8. Комарова, В. В. Понятие и предмет отрасли конституционного права России / В. В. Комаров // Конституционное право России: учебник. – М.: Кнорус, 2017. – 280 с.
9. Ллойд, Д. Идея права / Д. Ллойд. – М.: Югона, 2002. – 416 с.
10. Мухачев, И. В. Гомеостазисная теория сущности конституции / И. В. Мухачев // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1 (39). – С. 135–140.
11. Петровская, А. В. Сущность и содержание идеи правового закона: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Петровская. – М., 2007. – 24 с.
12. Поляков, А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Поляков. – СПб., 2002. – 94 с.
13. Пряхина, Т. М. Конституционная доктрина современной России: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Т. М. Пряхина. – Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2004. – 54 с.
14. Руденко, В. Н. Методология исследования прямой демократии в современном обществе / В. Н. Руденко // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 38–51.
15. Тарасова, Л. Н. Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим / Л. Н. Тарасова // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2012. – № 4. – С. 42–53.
16. Хабриева, Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 15–23.
17. Шидловский, А. В. Организаторы выборов в штатах США. Айдахо, Айова, Аляска / А. В. Шидловский // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 3. – С. 108–122.
18. Эбзеев, Б. С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 54–67.

Титова Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, директор Юридического института, заведующая кафедрой теории государства и права, конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: titovaev@susu.ru.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2020 г.

THE CATEGORY "LEGITIMATE" IN RELATION TO CONSTITUTIONAL IDEAS AND DOCTRINES

E. V. Titova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article examines the relationship of the category “legitimate” with constitutional ideas, concepts and doctrines. The appeal to the basic concepts that regulate the politics, legal life and culture of the people allows tracing how the foundations that produce law are formed and organized, and how they are formalized into normative rules of behavior. The article substantiates the dependence of the content side of lawfulness on the historical conditions of its interpretation and state interests, which the concept of lawfulness is intended to serve. According to the author, the doctrine of interaction between the state and the person (personality) can be considered as a process and result of the legitimate behavior of the fundamental subjects of constitutional relations. The connection between lawful behavior and constitutional ideas (doctrines) is manifested in the fact that social subjects (individuals and communities) recognize and defend their own, different from others, a system of values, and the rules and patterns of behavior by which they are guided reflect the desired and the model of the structure of power relations recognized for them.

Keywords: *constitutional ideas, legitimate behavior, national interests, constitutionality, interaction.*

References

1. Avak'yan S. A. *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremen-nost'* [Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. Moscow, 2000, 528 p.
2. Baranov V. M. [Idea of the draft law: essence, practical value, technical and legal design]. *ZHurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law]*, 2008, no. 2 (134), pp. 9–17. (in Russ.)
3. Bartsits I. N. [Constitutional myths and constitutional illusions]. *Gosudarstvennaya sluzhba [State service]*, 2013, no. 6, pp. 8–13. (in Russ.)
4. Bracton H. *Bracton De legibus et consuetudinibus Angliæ*. Yale University Press, 1915, Vol. 1, 454 p.
5. Kabyshev V. T. [Constitutional expectations]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo [Constitutional and municipal law]*, 2013, no. 11, pp. 24–27. (in Russ.)
6. Kireyev V. V. *Teoreticheskiye problemy reformirovaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Theoretical problems of reforming the Constitution of the Russian Federation]. Chelyabinsk, 2008, 440 p.
7. Kovalevskiy M. M. *Obshcheye konstitutsionnoye pravo* [General constitutional law]. St. Petersburg, 1908, 120 p.
8. Komarova V. V. Ponyatiye i predmet otrasli konstitutsionnogo prava Rossii [Concept and subject of the branch of constitutional law of Russia]. *Konstitutsionnoye pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow, 2017, 280 p.
9. Lloyd D. *Ideya prava* [The idea of law]. Moscow, 2002, 416 p.
10. Mukhachev I. V. [Homeostasis theory of the essence of the Constitution]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad law journal]*, 2015, no. 1 (39), pp. 135–140. (in Russ.)
11. Petrovskaya A. V. *Sushchnost' i sodержaniye idei pravovogo zakona: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [The essence and content of the idea of a legal law. Authob's abstract cand. (Law)]. Moscow, 2007, 24 p.
12. Polyakov A. V. *Kommunikativnaya kontseptsiya prava (genezis i teoretiko-pravovoye obosnovaniye): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Communicative concept of law (Genesis and legal theory) Dis. d-ra (Law)]. St. Petersburg, 2002, 94 p.

13. Pryakhina T. M. Konstitutsionnaya doktrina sovremennoy Rossii: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk [The constitutional doctrine of modern Russia. Authob's abstract d-ra (Law)]. Saratov, 2004, 54 p.
14. Rudenko V. N. [The methodology of the study of direct democracy in modern society]. *Pravovedeniye [Jurisprudence]*, 2003, no. 4, pp. 38–51. (in Russ.)
15. Tarasova L. N. [Legality as a legal principle, method of legal regulation and legal regime]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University of Finance and law]*, 2012, no. 4, pp. 42–53. (in Russ.)
16. KHabriyeva T. YA. [The modern theory of the basic law and the Russian Constitution]. *ZHurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law]*, 2008, no. 12 (144), pp. 15–23. (in Russ.)
17. SHidlovskiy A. V. [The organizers of the election in the United States. Idaho, Iowa, Alaska]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstven-nogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow state regional University]*, 2019, no. 3, pp. 108–122. (in Russ.)
18. Ebzeyev B. S. [Subject of constitutional law: historicity of content and development trends]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2019, no. 7, pp. 54–67. (in Russ.)

Elena Viktorovna Titova – Candidate of Sciences (Law), Director of the Law Institute, Associate Professor of Theory of State and Law Department, of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: titovaev@susu.ru.

Received 30 June 2020.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Титова, Е. В. Категория «правомерное» во взаимосвязи с конституционными идеями и доктринами / Е. В. Титова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 103–109. DOI: 10.14529/law200315.

FOR CITATION

Titova E. V. The category "legitimate" in the relation to constitutional ideas and doctrines. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 103–109. (in Russ.) DOI: 10.14529/law200315.
